

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА. ТАТИЩЕВСКОЕ ИЗВЕСТИЕ О ТАЙНОМ ДОГОВОРЕ ВАСИЛИЯ ТЕМНОГО И УЛУ-МУХАММЕДА.

В «Истории Российской» В. Н. Татищева содержится уникальное известие о грамоте, найденной при пленении Василия Темного Дмитрием Шемякой в феврале 1446 г., в которой оговаривались условия выкупа Василия Темного из татарского плена после Суздальской битвы 1445 года. По В. Н. Татищеву, Василий Темный обязался выплатить 5000 рублей и впредь давать Улу-Мухаммеду ежегодно по 2 рубля со 100 голов. Указываемая в известии сумма меньше «урочной» дани, которую, по мнению историка, ранее взымала Орда с Руси (25 гривен на 100 человек). Грамота вымышлена В. Н. Татищевым, чтобы опровергнуть обвинения Василия Темного в намерении отдать Русь под прямое управление татар.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, «История Российская», Василий Темный, Дмитрий Шемяка, Улу-Мухаммед, ордынский выход.

Вопросы о времени и обстоятельствах утверждения в Казани династии Улу-Мухаммеда издавна привлекали внимание историков. Уже основоположник российской научной историографии Василий Никитич Татищев (1686-1750 гг.) в 3-й части своей «Истории Российской», опираясь в первую очередь на Никоновскую летопись, писал о походах Улу-Мухаммеда на Русь, о Белевской и Суздальской битвах, о пленении и выкупе Василия Темного, а в 4-й части дословно повторил версию все той же Никоновской летописи, согласно которой после освобождения Василия Темного из Курмыша сын Улу-Мухаммеда Мамутяк «пришед из Курмыша, Казань взял, а казанского царя Языи (Азыа) убил, а сам на Казани воцарился. И оттоле началось царство быти Казанское...» (Татищев, 2017 б. С. 320-321, 341-344; 2018 а. С. 310; ПСРЛ Т. XIII. С. 251). Не ограничиваясь заимствованиями из Никоновской летописи, В. Н. Татищев внес несколько собственных соображений по истории Казанской земли: например, атаковавших в 1429 г. Галич татар он обозначил как «казанских»; сообщение о мире Василия Темного с Казанским царством в 1460 г. В. Н. Татищев дополнил известием, что великий князь «взял» с казанскими послами не только «мир», но и «братство» (Татищев, 2017 б. С. 310, 361; ПСРЛ Т. XII. С. 8, 114).

Однако же самым интересным штрихом, внесенным В. Н. Татищевым в картину московско-казанских отношений, безусловно, является его уникальное известие об условиях освобождения и сумме выкупа Василия Темного из плена после поражения в Суздальской битве 1445 г.

Как известно, источники не дают надежных сведений о сумме, уплаченной Василием Темным за свое освобождение. В великокняжеском московском летописании глухо говорится, что «Царь Махмет и сын его Мамутяк князя великого пожаловали, утвердив его крестным целованием, что дати ему с себя окуп, сколько может, и отпустиша его с

Курмыш» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 263; ПСРЛ. Т. XII. С. 66). Новгородский летописец сообщил о 200 тысячах рублей выкупа, многозначительно добавив «а иное Бог весть да оне» (Первая Новгородская летопись, С. 426). Псковские летописи называли сумму в 25 тысяч (ПСРЛ. Т. IV. С. 213). Вывести из такого рода сообщений некое «среднее значение» не представляется возможным. Неизвестна не только реальная сумма выкупа, но даже то, был ли он вообще уплачен или же только обещан. Тверская летопись, правда, упоминает, что с вернувшимся Василием приехали «татарове», которые «дани имати великиа» и что этими данями великий князь «с себе окуп давати татаром» (ПСРЛ Т.15. С. 492). Это известие подтверждает, что выкуп был выплачен, но опять-таки ничего не говорит о его величине. Не дают источники и ответа на другой важный вопрос – шла ли речь о единовременной выплате или же Василий обязался Улу-Мухаммеду ежегодной данью. Как следствие, специалисты строят различные предположения на этот счет (Павлов, 1957; Аракчеев, 2017; Илюшин, 2021. С. 38-39), однако, ввиду скудости материала, ни одно из предположений не может быть однозначно подтверждено.

И вот в татищевской «Истории Российской» содержится рассказ, дающий, казалось бы, исчерпывающие ответы на все эти вопросы. Любопытно, что, в отличие от сотен других «татищевских известий», этот рассказ практически не привлекал внимания историков. Значительное внимание ему уделил только Н. С. Борисов в своей обстоятельной монографии об Иване III, к которой мы еще обратимся. Во многом такое слабое внимание историков обусловлено тем, что сведения В. Н. Татищева о начале Казанского царства помещены в 3-й и 4-й частях его труда, которые остались незавершенными и даже не были снабжена авторскими примечаниями. Вследствие этого исследователи нередко недооценивали степень обработки В. Н. Татищевым его исходного летописного материала об эпохе Московской Руси. Между тем копия текста XV Академического списка Никоновской летописи, положенная В. Н. Татищевым в основу 3-й и 4-й частей его «Истории», была подвергнута значительной правке: многие известия, преимущественно относящиеся к церковной истории, знамениям, чудесам и проч. были зачеркнуты, некоторые слова и выражения были парадоксальным на первый взгляд образом заменены более архаичными, в то же время в текст попали явные украинизмы, которых в великорусской летописи XVI века быть никак не могло. Возможно, В. Н. Татищев, принимавший патриарха Никона за автора летописи, посчитал ее недостаточно «древней» и «авторитетной» и попытался повысить ее источниковедческую ценность путем архаизации языка, но, как и многие другие его современники, принял некоторые украинские слова за древнерусские. Наконец, текст Никоновской летописи в 3-й и 4-й частях «Истории» дополнен десятками уникальных известий, не имеющих соответствий в сохранившихся аутентичных источниках. К их числу

относится и татищевский рассказ об условиях тайного договора между Василием Темным и Улу-Мухаммедом в 1445 г.

Любопытно, что условия выкупа озвучены В. Н. Татищевым не в том месте, где сообщается об освобождении великого князя, а привязаны к рассказу о его пленении и ослеплении Дмитрием Шемякой в феврале 1446 г. В тексте копии Никоновской летописи между словами «стоял на дворе Поповкине» и «на ночь ослепиша великого князя», взамен зачеркнутого «а в среду на той же недели» у Татищева дописан следующий текст: *«И начаши искати грамот, какову запись даде хану Улу-Магметю, и обретоша написану: дати за себе 5000 рублей да дани даяти на всяк год со вся земли Руския со 100 голов 2 рубля. И князь Иван, видя сие, рече: „Почто верихом бояром его и чернцем не любящим?». Но тиш, клянусеся, рекоша, яко словом тако обесча, и советоваху убити его. Но князь Иван и друзии мнози реша Димитрию: „Асче сие учиниши, то веждь, яко князи рустии восстанут на тя; и асче Василий недобре живет и люди своя вся Руския земли не бережет и обидит, то возьми великое княжение, а ему дамы удел твой, и того вси будем стресчи, да не восстанет паки на тя и не мстит». Но князь Димитрий с боярами московскими и чернцы уложиша ослепити его и тоя же недели в среду»* и далее вновь идет текст Никоновской летописи об ослеплении Василия (Татищев, 2017 б. С. 347).

Таким образом, согласно В. Н. Татищеву, договор Василия Темного был оформлен в виде «грамоты» или «записи», согласно которой единовременная сумма выкупа составила 5000 рублей, сверх того московский великий князь обязался выплачивать Улу-Мухаммеду по 2 рубля со 100 голов со всей Русской земли. Помимо этого, В. Н. Татищев сообщает, что союзник Шемяки князь Иван, т. е. Иван Андреевич Можайский, был против жестких мер в отношении Василия Темного и даже предлагал им с Шемякой поменяться владениями, однако же московские бояре и некие «чернецы» поддержали ослепление Василия.

Никакой подобной «записи» или «грамоты» не обнаружено, о ее существовании и ее содержании мы знаем только со слов В. Н. Татищева. Насколько достоверно это свидетельство?

Н. С. Борисов отнесся к этому рассказу с полным доверием: по его словам, данный эпизод - «ключевой для правильного понимания всей ситуации», без которого «события февраля 1446 года как бы рассыпаются и теряют логическую связь» (Борисов, 2006. С. 91). По мнению исследователя, это известие, равно как и другие уникальные сведения Татищева о княжении Василия Темного, восходит к особому списку Никоновской летописи, бывшему в распоряжении Татищева и впоследствии утраченному (Борисов, 2006. С. 89).

Предположение об особом «татищевском» списке Никоновской летописи высказывал еще в 1887 г. И. П. Сенигов, работа которого вызвала резко отрицательный отзыв А. А.

Шахматова (Сенигов, 1887. С. 315; Шахматов, 1920. С. 6). С. Л. Пештич (Пештич, 1961. С. 254-255) бесспорно установил, что В. Н. Татищев пользовался хорошо известным XV Академическим списком Никоновской летописи, в котором даже имеются его собственноручные пометки; кроме того, единственная во всей «Истории Российской» точная ссылка на страницу летописи относится к этому списку; во всех трех редакциях «Истории Российской» - 1739, 1746 и 1750 гг. – в списке «манускриптов» фигурирует «летописец Воскресенского монастыря, подписанный Никоном патриархом» (Татищев, 2018 б. С. 70; 2017а. С. 55; 2016. С. 156-157); в то же время, какие-либо даже косвенные намеки на еще один список Никоновской летописи, ни в тексте «Истории Российской», ни в бумагах и переписке В. Н. Татищева не значатся.

Читающиеся в татищевской «Истории» вставки в текст Никоновской летописи не отыскиваются ни одним из десятка известных ее списков. Это справедливо и в отношении якобы обнаруженной Шемякой грамоты. Надо учитывать, что Никоновский свод – позднее компилятивное сочинение, опирающееся на целый ряд более ранних летописей. Борьба Василия Темного с галицко-дмитровскими родичами была изложена составителем Никоновского свода по Иоасафовской летописи, сохранившейся в единственном списке, в котором, как нетрудно догадаться, ничего о грамоте не сказано. Получается, чтобы поверить В. Н. Татищеву, нужно не только допустить существование утерянного татищевского списка Никоновской летописи, но и утверждать, что некогда существовал и особый, до сих пор не найденный или погибший список Иоасафовской летописи, в котором читался рассказ об обыске и спорах в великокняжеском дворце. Но и это еще не все. Иоасафовская летопись базируется на Московском великокняжеском своде конца XV века. Если посчитать татищевское известие о грамоте аутентичным, то требуется признать, что оно читалось и в этом своде, точнее, в его утерянном (опять-таки) списке, потому что в сохранившемся списке, обнаруженном академиком Тихомировым, этого известия нет. Но Московский великокняжеский свод конца XV века, в свою очередь, брал рассказ об эпохе Василия Темного из Московского великокняжеского свода 1479 г. В единственном известном списке этого свода сведений о грамоте нет, значит, если верить Татищеву, где-то должен был существовать другой его список.

Таким образом, признать татищевское известие о договоре Василия Темного с Улу-Мухаммедом за аутентичное можно лишь допустив, что некогда существовало еще как минимум четыре особых списка летописей Никоновской, Иоасафовской, московских великокняжеских летописей конца XV в. и 1479 г., впоследствии бесследно исчезнувших.

Теоретически можно предположить, что известие о грамоте было вставлено в некий не дошедший до нашего времени список Никоновской летописи, составленный в XVII или даже

в начале XVIII века. Об аутентичности и правдивости известия в этом случае, конечно, говорить не приходится, но по крайней мере можно было утверждать, что В. Н. Татищев не выдумал это известие, а излишне доверился позднему недостоверному источнику. Однако в данном случае речь идет не только об отсутствии гипотетического текста с уникальным известием, но – что важно – с отсутствием свидетельства самого В. Н. Татищева о каком-либо подобном тексте. Иными словами, для защиты В. Н. Татищева нужно домысливать за Татищева и добавлять к его виртуальным летописям (Иоакимовской, Раскольниковой, Симоновой и проч.) еще и столь же виртуальный список Никоновской летописи. Кроме того, фантомному составителю этого виртуального списка нужно приписать обладание либо колоссальной фантазией, либо огромным архивом и внушительным списком дополнительных источников, с помощью которых он вносил уникальные известия, читающиеся в «Истории Российской» – а таковых только в главе о Василии Темном насчитывается около шести десятков.

Н. С. Борисов придает больше значение тому, что рассказ о грамоте как бы «скрепляет» события февраля 1446 г., придавая им связность и осмысленность. Если бы это действительно было бы так, то это скорее бы свидетельствовало против достоверности данного татищевского известия. Дело в том, что значительная часть явно вымышленных фрагментов введены В. Н. Татищевым именно для того, чтобы восполнить реальные или мнимые лакуны в летописном нарративе. Глава о Василии Темном содержит несколько показательных примеров такого рода.

Например, в Никоновской летописи перед Белевской битвой попавший в трудное положение Улу-Мухаммед предлагает очень выгодные условия мира, а воеводы Собакин и Голятев их отвергают: «Царево слово к вам: даю вам сына своего Мамутека, а князеи своих даю в заклад на том: дать ми Бог буду на царстве, и доколе буду жив, дотолле ми земли Руськие стеречи, а по выходы ми не посылати, ни по иное ни по что». Они же того не възхотеша». Вдруг обстановка без видимой причины меняется: «князи же Татарстии реша воеводам великого князя: „а сего ли не хотите? озритесь назад“. Они же, посмотревше за себе, видевше своих бежащих, гонимы никимиж же». Что же вызвало столь разительную перемену в соотношении сил? Для летописца в произошедшем не было загадки: причину внезапного поражения он видел в том, что на пути к Белеву братья Юрьевичи «все пограбиша у своего же православного христианства, и мучяху людей из добытка, и животину, биюще, назад себе отсылаху, и неподобнаа и сквернаа деаху»; как следствие, «за множество съгрешений наших, попусти Господь неверным одолети многому взиныству православным христианом» (ПСРЛ Т. XII. С. 24-25). Однако рационалиста В. Н. Татищева подобное объяснение не устраивало, для него в летописном нарративе тут имелся явным

пробел, который он поспешил восполнить. В «Истории Российской» после слов «Они же того не восхотеша» дописан следующий текст: «и начаша вооружатися. Тогда Улу-Магмет, собрав вся люди своя, вооружися, хотяй храбре со всеми своими умрети, а в плен не датися, и ударивше в середину полков русских, начаша мяти, а друзии рустии полцы, по странам и назади стоясчии, побегоша, никим гоними. Сие видевшя, протчие побегоша, а татарове, мало гнався, остахся. Тако наказа бог за превозношение» (Татищев, 2017 б. С. 321).

С похожей резкой сменой обстановки В. Н. Татищев столкнулся в летописном рассказе о нашествии на Москву царевича Мазовши. 2 июля 1451 г. татары сжигают московские посады. На следующий день жители ожидают штурма, но вместо этого осаждавшие внезапно начинают стремительное отступление. Летописцу было само собой понятно, что «татары побегоша гневом Божиим, и молитвою пресвятыя Матери его, и великих чюдотворев молением и всех святых» (ПСРЛ Т. XII. С. 76-77). Однако историку Нового времени требовалось качественно иное «объяснительное устройство», и В. Н. Татищев, не найдя ничего в доступных ему источниках, смоделировал его сам: «Татаре же изымаете пред градом двою от рабов митрополих, и тии, яко согласившеся, реша им, яко князь великий со многою ратию иде к Оке прятти пути их. Они же, убоявшеся, тоя носчи побегоша» (Татищев, 2017 б. С. 355). Располагая В. Н. Татищев Ермолинской летописью, ему не пришлось бы прибегать к такой реконструкции, поскольку в этом источнике отступление Мазовши объяснялось не только заступничеством Богородицы и чудотворцев, но и вполне рациональной причиной: услышав шум в осажденном городе, татары решили, что это подошел Василий Темный «со многими силами» (ПСРЛ Т. XXIII. С. 155). Впрочем, относительно Белевской битвы В. Н. Татищев тоже располагал источником – Львовской летописью – со вполне рациональным толкованием внезапного поражения из-за «крамолы» Григория Простасьева (ПСРЛ. Т. XX. С. 240-241). К сожалению, вместо поисков ответа в источниках В. Н. Татищев предпочел дать волю своей фантазии.

Можно привести еще много примеров, но принцип уже понятен: домыслы служили В. Н. Татищеву для более полной и рациональной организации летописного нарратива. Однако, как раз повествование о грамоте Василия Улу-Мухаммеду ни малейшей ясности в летописный текст не вносит и даже скорее запутывает его. Показательно, что Н. С. Борисов, цитируя этот место, предлагает для его интерпретации как минимум пять равновероятных вариантов: 1) Василий и его окружение преуменьшали реальную сумму выплат, чтобы не вызвать недовольства подданных; 2) Василий, наоборот, преувеличил сумму выкупа и выхода, чтобы присвоить себе собранные излишки; 3) васьевы бояре пытались выгородить своего «патрона» перед Шемякой; 4) васьевы бояре оправдывались перед Шемякой, уверяя, что Василий принуждал их ко лжи; 5) наконец, сама грамота – это фальшивка,

подброшенная по приказанию Шемяки. От неизбежного хаоса при столь разнородных и взаимоисключающих интерпретациях исследователь спасается предположением, что содержание грамоты компрометировало Василия Темного, или, говоря словами исследователя, «обличало Василия II в обмане», так что после ее обнаружения «раздался вопль всеобщего негодования», а «князья и бояре пришли в ярость» (Борисов, 2006. с. 89-91).

Однако подобная интерпретация татищевского текста представляется ошибочной. Действительно, бояре и «чернецы» Василия, которые настолько не любят своего государя, что требуют немного нимало его смерти, клянутся «яко словом тако обещча». Выражение «так» никак не может относиться к выкупной сумме 5000 рублей и к обязательству платить дань: все это указано в документе, который Шемяка уже держит в руках, клясться в том, что Василий Темный то же самое обещал Улу-Мухаммеду устно, было бы полной бессмыслицей. Разумнее предположить, что «бояре и нелюбящие чернецы» говорили о другом, а именно о слухах касательно намерения Василия отдать Москву и всю Русь под управление татарам, а самому сесть в Твери (ПСРЛ. Т. XII. С. 67; Татищев, 2017 в. С. 344). Бояре и чернецы клятвенно подтверждали это обвинение, найденная же при обыске (но впоследствии, увы, пропавшая) грамота его недвусмысленно опровергала, что и вызывало непонятную при ином толковании реплику Ивана Можайского «Почто верихом бояром его и чернцем не любящим?».

Таким образом, обозначенные в грамоте условия, с точки зрения В. Н. Татищева, не только не компрометировали Василия Темного, но и, наоборот, оправдывали его. Сумма выкупа в 5000 рублей не могла казаться историографу запредельно большой на фоне цифр в 25 и даже 200 тысяч, даваемых Новгородскими и Псковскими летописями, которые, что важно, были знакомы В. Н. Татищеву как «летопись попа Иоанна» и как «псковский манускрипт» (Татищев, 2016. С. 55; Толочко 2005. С. 68). Любопытно, что и с современной точки зрения размер выкупа выглядит пусть и не малым, но отнюдь не сверхвысоким: он примерно соответствует ежегодному выходу с великого княжества Владимирского (Московского), который, согласно подсчетам В. А. Кучкина, в начале-середине XV века колебался в пределах 5000-7000 рублей (Кучкин, 2021). Что же касается указанной в грамоте суммы дани 100 рублей с 2 голов, то она не находит никаких параллелей в аутентичных источниках. Поэтому ее нужно сравнивать с татищевским же известием от 1275 г., согласно которому великий князь Василий Ярославич привез в Орду «урочную дань», составившую «по полутривне с сохи, а в сохе числиша 2 мужи работнии» (Татищев, 2017 в. С. 65). Итак, в картине мира В. Н. Татищева ордынская дань для Руси составляла 0,5 гривен на 2 человека, то есть 25 гривен на 100 человек. По какому бы курсу ни пересчитывал историограф гривны в рубли, даже по заведомо «невыгодному» современному В. Н. Татищеву курсу (десять

гривен в рубле) сумма дани, якобы обещанной Василием Темным Улу-Мухаммеду (2 рубля со 100 голов) получалась меньшей по размеру, чем дань 1275 года.

Приводимые В. Н. Татищевым данные сугубо сомнительны, но важно понять его общий посыл: условия выкупа Василия Темного были в достаточной степени умеренными. Как и во многих других местах «Истории Российской», В. Н. Татищев презентовал свое толкование событий не авторским предположением или комментарием, а в виде текста претендующего на аутентичность источника. Особенность данного случая в том, что источник был не нарративный (летопись) а документальный (грамота). Татищев, однако же, не цитирует документ напрямую, а дает его пересказ. Манера пересказа сама по себе способна посеять сомнения. Если бы древнерусский книжник действительно обладал бы сведениями о тайных договоренностях Василия Темного с Улу-Мухаммедом, он не стал бы «держателем интриги» с обысками во дворце и внезапными находками сенсационных документов, а изложил бы эти сведения уже при рассказе об освобождении Василия Темного из Курмыша. Весьма показательно и титулование Улу-Мухаммеда «ханом», обычное для В. Н. Татищева, но невозможное ни для кого из летописцев, неизменно именующих татарских властителей царями.

Но что самое важное и что неоспоримо обличает фиктивный характер этой «пропавшей» грамоты – так это полное отсутствие в ней упоминаний о земельных пожалованиях татарским царевичам, в первую очередь Касиму. Хотя историки по-разному оценивали конкретное время и условия образования Касимовского царства (одни считали это вынужденной тяжелой уступкой со стороны Василия Темного, другие – его важнейшим политическим успехом), но сама по себе хронологическая и причинно-следственная связь освобождения Василия Темного с поселением на Руси служилых татар сомнению никем не подвергается. Как справедливо заметил А. В. Беляков, независимо от причин возникновения и статуса Касимовского царства, это был первый случай, когда Чингисиды получили пожалование из рук Рюриковичей (Беляков 2011. С. 375). Нет сомнений, что в аутентичной грамоте непременно были бы пункты, регулирующие места и условия проживания служилых татарских царевичей на Руси. Но этого нет, поскольку важность данной темы во времена В. Н. Татищева еще не была оценена в полной мере.

Таким образом, под видом пересказа грамоты В. Н. Татищев представил собственную версию условий выкупа Василия Темного. По-видимому, образцом для него послужила все та же Никоновская летопись, при составлении которой широко использовались актовые материалы, послания, грамоты, духовные. Так, под 1160 г. в ней содержался текст письма константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к Андрею Боголюбскому (ПСРЛ Т. IX. С. 223-229). Это послание В. Н. Татищев счел подложным, поскольку в нем духовная власть

ставилась выше светской, что не могло не возмущать рационалиста и антиклерикала петровской выучки. Как писал В. Н. Татищев, в грамоте «многое несогласное и противное здравому разсуждению находится, яко имянует епископа главою церкви и государства властелином, и судиею себя над государем поставляет весьма неприлично». Столь же не «неприличным» историограф посчитал уподобление чернецов ангелам. О том, что «здравый смысл» иерарха XII века мог существенно отличаться от здравого смысла администратора и ученого XVIII столетия, В. Н. Татищев не задумывался и решительно объявил грамоту фальшивкой, сделанной властолюбивым патриархом Никоном: «И для того мню, что сия грамота Никоном для утверждения его над государем исхемой власти сочинена и в его летопись внесена, ибо, кроме сего, ни в одном летописце не находится и в библиотеке патриаршей не отыскана» (Татищев, 2017 а. С. 584-585).

Грамота Луки Хрисоверга, хотя и отвергнутая В. Н. Татищевым, подсказала ему изящный способ внесения дополнительных известий в повествовательный летописный текст. Вдохновившись мнимым разоблачением якобы фальшивой грамоты, В. Н. Татищев, видимо, решил использовать свои исследовательские навыки для сочинения собственного документа, в котором уже никто не отыскал бы ничего «несогласного и противного здравому рассуждению». Принимая во внимание то, сколько поколений исследователей В. Н. Татищеву удавалось вводить в заблуждение, навыки у него действительно были хорошими. Это, однако же, не отменяет того печального факта, что татищевское известие о пропавшей грамоте Василия Темного, как и многие другие приводимые им уникальные сведения, нельзя признать аутентичным.

Список источников и литературы.

Аракчеев В. А. Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV века // Великое стояние на реке Угре и формирование российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы всероссийской с международным участием научной конференции. Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2017. С. 17–31.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV-XVII вв. Просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.

Борисов Н. С. Иван III. 3-е изд. М.: Молодая Гвардия, 2006. 644 с.

Илюшин Б. И. Казанские войны Василия III: монография. Казань: Издательский дом «Логос», 2021. 428 с.

Кучкин В. А. Завоевание Руси Батыем и ордынский «выход». / Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М.: Индрик, 2021. с. 22-35.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (ПНЛ). М., Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. 580 с.

Павлов Н. П. Была ли Русь данницей Казани? // Ученые записки Красноярского гос. педагогического института. 1957. Т. 9. Вып. 1. С. 157–165.

Пешич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. 276 с.

ПСРЛ. Т. IV. IV и V Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848. 370 с., разд. паг. (VIII с., 362 с.).

ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с., разд. паг. (VI с., 266 с.).

ПСРЛ. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1904. 308 с., разд. паг. (V с., 303 с.).

ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. 547 с. разд. паг. (V с., 540 с.).

ПСРЛ. Т. XX. Львовская летопись. Ч.1. СПб., 1910. 422 с. разд. паг. (IV с., 418 с.).

ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910. 244 с. разд. паг. (V с., 239 с.).

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., Л.: Изд. Акад. Наук СССР, 1949. 462 с.

Сенигов И. П. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о «Российской истории» В. Н. Татищева. М., 1887. 442 с. разд. паг.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 1. М.: Академический проект, 2016. 703 с.

Татищев В. Н. Российская история с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 4. М.: Академический проект, 2017 а. 733 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 5. М.: Академический проект, 2017. б. 454 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 6. М.: Академический проект, 2018. а. 557 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 7. М.: Академический проект, 2018. б. 579 с.

Шахматов А. А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева. «Дела и дни». Кн. I. Птгр. 1920. С. 80-95.